

ОДНАЖДЫ В МОНГОЛИИ

Интервью
(Полная версия)

С 16 по 22 августа 2017 г. прошёл Всемирный конгресс поэтов в г. Улан-Батор (Монголия), организованный Академией поэзии Монголии. В конгрессе приняли участие более 200 известных поэтов, писателей, переводчиков, деятелей культуры и искусств из 40 стран мира. Среди них – наш постоянный автор, писатель и поэт Виктор Трифонович СЛИПЕНЧУК. В рамках работы конгресса с ним встретилась Туяна ЗОНДУЕВА.

– Что побудило вас поехать на 37-й Всемирный конгресс поэтов?

– Так получилось, что, живя в Новгороде, я стал составителем книги «В начале было Слово» о Празднике славянской письменности и культуры, который прошёл в Новгороде в мае 1988 года. Проведённый под знаком 1125-летия славянской азбуки и 1000-летия принятия христианства на Руси, он явился грандиозным событием по тогдашним и нынешним временам. Составляя книгу, я как бы побывал на уроке писателя Виктора Петровича Астафьева, который он провёл для старшеклассников в одной из новгородских школ. И вот на вопрос школьника – ваши самые интересные поездки последнего времени? – Виктор Петрович сказал, что он не будет им рассказывать о странах Южной Америки, в которых ему недавно довелось побывать, а расскажет им о Монголии, о пустыне Гоби. И этот рассказ, полный восторга о цветении пустыни, запал в мою душу.

Мне самому захотелось посмотреть, что такое Гоби, как она цветёт? С тех пор прошло почти 30 лет, и за это время как турист, наверное, я мог бы побывать в Монголии, но не побывал.

И вот в мае узнаю, что в Улан-Баторе намечается 37-й Всемирный конгресс поэтов, в обширных планах которого выезд на

500 километров в пустыню Гоби и чтение там стихов у костров под звёздами. Кроме того, планируются презентации книг поэтов. А у меня в Улан-Баторе вышло две книги на монгольском языке – роман «Звёздный Спас» (2014) и поэма «Чингис-Хан» (2015) в издательстве «Арилдал». Книги для меня очень важные.

Итак, две побудительные причины – цветение пустыни Гоби и презентация книг. Кстати, я не рассчитывал увидеть цветение пустыни в августе, но мне повезло, время как бы сместилось. Как раз накануне Всемирного слёта поэтов прошли дожди – и Гоби расцвела.

За всё время следования, а потом поездок по Гоби я ни разу не увидел ни одного бурого листика. Пустыня расстилалась перед нами словно бескрайняя степь времён Чингис-Хана. И в этой «степи» там и сям паслись табуны лошадей, двугорбых верблюдов, смешанные отары овец и коз, которых сопровождали молодые пастухи на мотоциклах.

Такой сегодня предстаёт цветущая Гоби. Я привёз много фотографий и, когда придёт черёд, выставлю их на своём сайте.

– Виктор Трифионович, какими были ваши впечатления от Улан-Батора?

– Европейский город, около полутора миллионов жителей. Много машин, но пробок значительно меньше, например, чем во Владивостоке. Уланбаторцы ввели правило, по номеру машины определяется твоё право присутствия в потоке машин. И люди сами следят за нарушителями. В какие-то дни недели имеешь право выезжать, а в какие-то (по номеру машины) нет. Мне представляется такое правило весьма разумным и вполне решаемо на уровне муниципалитета. Разум живёт не только в Европе – он повсюду. Это мне бросилось в глаза в первый же день приезда. И конечно же, люкс-гостиница со всеми европейскими удобствами. Дорогая, но в

разы дешевле, чем в том же Владивостоке. Из окна моего номера был прекрасный вид на Улан-Батор. Он чем-то напомнил мне Токио. Я сказал об этом Алтангэрэлу (автору проекта издания моих книг в Монголии), в ответ он строго сказал: «Виктор Трифионович, это не Токио, это Улаанбаатар». Молодец! Я люблю людей, которые любят свою Родину. Мне с такими людьми всегда комфортно.

– Тема Всемирного конгресса поэтов – «Разум природы и природа человеческой души». Как вы понимаете эту тему, после того как увидели воочию природу Монголии?

– Тема разума природы и человеческой души волновала меня всегда. Лирические стихи неотделимы от этой темы у всех поэтов мира. Когда в мае многие москвичи попали под первую волну урагана с человеческими жертвами, а метеорологи обещали розовое лето, многие задумались – что-то мы делаем не так. За 75 лет жизни я повидал всякого и пришёл к выводу: если мы не изменим своего отношения к природе – она возьмёт нас за горло. И слава богу, у неё ещё есть силы встряхнуть нас, чтобы мы посмотрели на себя, какие мы есть. Со времён советской власти твердим, что надо с детства, со школьной скамьи прививать детям азбуку поведения на природе, а воз и ныне там. По моим наблюдениям, всем природным катаклизмам сопутствует людская озлобленность. Сегодня мало кто из молодёжи помнит о Спитаке, а я помню. Люди там заволновались, и их потрянуло так, что весь СССР помогал ликвидировать ужасные последствия землетрясения. Много было невинных жертв. И некоторые люди «на кухнях» считали, что у нас есть какое-то климатическое оружие. Я думаю, что основное климатическое оружие в наших головах. И Высший разум, или Высшая справедливость, или Бог (каждый человек имеет своё название по вере, по своему разумению) есть. Так вот этот Высший разум считывает с наших мозгов информацию, и я Ему не завидую. Потому

что столько намешано в наших головах – говорим одно, делаем другое, подразумеваем третье. Глядя на эти двойные стандарты даже в простой обыденной жизни, хочется воскликнуть – так где же ты есть, Человек?! Всё моё творчество – это поиск Человека в человеке.

Что касается природы Монголии. Когда я уходил из юрты рвать цветы – это было не главным. Да, я рвал эти цветики, пахнущие луком и чесноком, но для блезира. Всякий раз я брал в руки песок и видел и чувствовал, что песок Гоби – это песок морского дна. Мне сказали, что вся Монголия находится над уровнем моря, где-то на 1300 метров. И я испытывал какие-то неясные чувства об Атлантиде, о Гоби... что есть ещё на планете Земля заповедные уголки, где человек может уединиться и подумать о себе как о Человеке Разумном.

– Около 200 поэтов почти неделю погружались в монгольскую историю и культуру, природу и традиции. Что вас больше всего поразило?

– Что и сюда, в пустыню Гоби, уже проникает треклятая цивилизация – молодые пастухи пасут скот на мотоциклах.

– Вы единственный из участников конгресса были приглашены на отдельный личный приём к президенту Монголии. Каким вам показался недавно избранный глава этого государства?

– Меня давно не оставляет мысль – почему простой народ (и это касается всех народов без исключений), как правило, видит окружающую нас действительность более правильно, скажем так, чем элита этого же народа. Казалось бы, элита умна, образованна, она есть сливки этого народа, и вдруг в какие-то судьбоносные моменты истории простой народ оказывается зорче своей оснащённой очками элиты. Элита гибнет или мимикрирует, то есть приспособливается к внешней среде, меняет форму, окраску и так

далее. А простые люди (народ) какими были, такими и остаются. Почему они, менее образованные в сравнении со своей элитой, видят лучше?

Я уже давно близорук, и как-то мне довелось искать «шмоньку» – школу морского обучения на Первой Речке во Владивостоке. Там недалеко от школы был колхозный рынок. У одного прохожего спрашиваю, где эта школа, у другого. Никто не помнит ни колхозного рынка, ни школы. Всё кругом застроено – не узнать. Я нашёл школу, точнее, здание бывшей школы по сопочке, которая осталась нетронутой. И тогда мне пришла в голову мысль, что близорукие иногда видят окружающее лучше, чем люди, оснащённые очками, потому что они видят не предметы на местности, а очертания местности.

Когда мы возвращались из музея XIII–XV веков, я издали увидел статую Чингис-Хана. Её построил несколько лет назад крупный бизнесмен, чемпион мира по самбо, а ныне президент Монголии Халтмаагийн Баттулга. Эта грандиозная статуя очень заметно изменила очертания местности. И я, как автор поэмы «Чингис-Хан», верю, что эти очертания местности изменены в лучшую сторону.

Господин президент Х. Баттулга принял меня на втором этаже в юрте, в которой предыдущий президент Элбэгдорж когда-то принял моего сына Мишу (знаю по его рассказу). На встречу с президентом я пришёл при параде, то есть при всех литературных наградах, что имею. К сожалению, их немного, но все они очень важные для меня. Золотая медаль С.А. Есенина, орден СЛАВЫ «ЧИНГИС-ХАН» и золотая медаль А.С. Пушкина от Московской писательской организации, вручённая мне недавно в связи с 75-летием.

Встреча была короткой – минут 5–10, от силы 15. Впрочем, не временем измеряются такие визиты, а готовностью к пониманию.

Можно часы, дни, недели и месяцы находиться рядом, и ничего не понять и не воспринять. Поэт Сиддхартхи Гаутама (Будда) в книге стихов Дхаммапада («Стезя добродетели») заметил по этому поводу – ложка никогда не узнает вкуса похлёбки. И совсем другое, когда ты приходишь с открытым сердцем. Помню, сказал господину Х. Баттулге – я всю жизнь, как писатель, добиваюсь признания у своего народа, а вы уже признаны народом Монголии.

В ответ он слегка улыбнулся и спросил, был ли я в музее статуи Чингис-Хана. Я сказал, что поднимался на гору с памятником Советскому воину и побывал в дацане – монастырском комплексе. Он одобрительно кивнул, а Алтангэрэл, который сидел в отдалении, сказал, что мы обязательно побываем в музее статуи Чингис-Хана и в комплексе музеев XIII–XV веков. Потом я сказал, что в США избран президентом крупный бизнесмен Дональд Трамп. Но мысль, конечно же, имела невысказанное продолжение: а в Монголии такой крупный бизнесмен – ВЫ. Он улыбнулся, и какое-то время мы общались на уровне мыслей. Одну из них очень хорошо запомнил. Вот я удостоен чести первым из русских говорить с президентом Монголии, который говорит со мною по-русски (других языков я не знаю). Он всё ещё не отошёл от выборов. У него всё есть. И тут он посмотрел на мой орден СЛАВЫ «ЧИНГИС-ХАН», и я понял, что наш разговор закончен. То есть мы ещё беседовали. Я что-то говорил о хорошей газете «Аргументы недели». А он советовал остановиться в какой-то известной юрте. Потом я подписал ему поэму «Чингис-Хан» на русском и свои книги на монгольском. Потом попросил президента дать автограф на память, и он оставил своё факсимиле на моём пригласительном билете на презентацию моих книг. Потом нас фотографировали. Но всё это было обычным, протокольным.

В заключение хочу сказать, что президент Халтмаагийн

Баттулга – человек цели из высшего разряда победителей. Он не раз бывал на грани – или-или. Он умеет сражаться за победу и великодушен к побеждённым. Сейчас как никогда ему нужна поддержка монгольской элиты. И если элита действительно хочет добра монгольскому народу, ей сейчас самое время объединиться вокруг своего признанного народом лидера. Время такое, что у всех народов путь предстоит нелёгкий. Творчество великих Поэтов всех стран и континентов во все времена способствовало дружбе и единению.

– В рамках конгресса вы провели презентацию своих книг, в том числе на монгольском языке. Расскажите о ней.

– В мае мне сообщили, что надо подобрать 2–3 стихотворения для антологии, которая будет издана в Улан-Баторе. Стихи желательно прислать на английском языке. Я подобрал четыре, посвящённые внукам. У меня внуков семь, но четверо из них уже большие, понимают смысл, а главное, красоту русских слов. Стихи мои перевели на английский язык здесь, в Москве, а на монгольский – в Улан-Баторе. Алтангэрэл сказал, чтобы захватил с собой побольше произведений, переведённых в разных странах. Я взял по пять книг каждого из произведений, изданных за рубежом. Не взял только роман «Зинзивер», переведённый на украинский. Но и так багаж с книгами получился довольно увесистым. Приехал, получил чемодан. А книг нет – картонный ящик с книгами потерялся. Ну потерялся и потерялся, я даже обрадовался. Ведь мой основной и единственный язык – русский. А на монгольском и без меня расскажут. Буду вставать, улыбаться и аплодировать. Это я с советских времён умею. Успокоился и даже забыл о книгах. А Алтангэрэл не забыл, звонил в Москву и где-то на третий день прибегает и говорит – дайте паспорт и бейджик, что вы участник конгресса. Оказывается, картонный ящик с книгами задержала

монгольская таможня. Книги вызволили, и презентация была в полном формате. К этому времени я уже познакомился с Лией – переводчицей. И 19 августа они с Алтангэрэлом меня предупредили, чтобы я оделся по-парадному и обязательно был при ордене СЛАВЫ «ЧИНГИС-ХАН», который мне вручили в посольстве Монголии в Москве в 2012 году.

Для тех, кто не знает, поясню: орден СЛАВЫ «ЧИНГИС-ХАН» не правительственная награда, но очень почётный. Простые люди, монголы, увидев на груди этот орден, всегда старались оказать мне уважение – уступить дорогу, подсказать, если в чём-то нуждаюсь. А по жизни все мы знаем, что ничто так дорого не ценится, как простое человеческое уважение. В удостоверении к ордену написано: «Награждается ВИКТОР СЛИПЕНЧУК за сердечный вклад в развитие страны, огромный труд, за восстановление и развитие национальных традиций и обычаев, за святое дело сохранения и защиты кочевой цивилизации». Вместе с орденом мне было присвоено звание академика международного университета им. Чингис-Хана, академии кочевой цивилизации. Я говорю об этом, потому что настоящая жизнь очень противоречива, и я не хочу, чтобы мы проморгали Монголию, как проморгали Украину. Ну да ладно.

Мы пришли чуть раньше, но книги уже лежали на длинном столе. Лия провела в зал. А там столы под скатертями. А на них минеральная вода и прочие фуршетные премудрости. Она указала – мой стол с краю, напротив небольшого подиума с микрофоном, и мы опять пошли к книгам. Она сказала, что я прочту четыре стихотворения. Я говорю: мало – когда я ещё выступлю перед поэтами из сорока стран мира, наверное, никогда! Поймите, каждое ваше стихотворение прозвучит три раза. На русском прочтёте вы. На монгольском – диктор. На английском – она, Лия. Итого получится

двенадцать стихотворений.

В общем, на презентацию пришли все, около двухсот поэтов. Книги мои смели – очередь за автографами. Лия при мне говорила на монгольском, китайском, английском и иврите. А я цвёл и пахнул. Во многих странах прошли презентации моих книг, если даст Бог времени, когда-нибудь напишу об этом более подробно. А сейчас лишь скажу, что презентация прошла очень хорошо. Из официальных лиц нашего МИДа был советник-посланник Ракшаев Рыгзын Ракшаевич со своей женой Ольгой. От монгольской стороны был советник президента господин Л. Пурэвсурэн. Очень добрый и обаятельный человек, в полном и хорошем смысле этого слова азиат-европеец. Именно он поспособствовал моей встрече с президентом Монголии Х. Баттулгой. Всем им я подписал свои книги на монгольском языке.

Из переведённых стихов, подготовленных для презентации, прочёл всего два. «Мне нравится делать добро...», посвящённое внуку Ване, и «Акварель», посвящённое внучке Глафире. Поезд в пустыню уже стоял под парами. Забегая вперёд, скажу, что стихотворение «Орион», посвящённое Грише, я прочёл под небом Гоби. А посвящение внучке Маруше вошло в английскую антологию. Словом, все стихи, переведённые на монгольский и английский языки, были мною прочитаны, как говорят на флоте, своевременно.

– Приветствуя поэтов, президент Союза писателей Монголии господин Мэнд-Ооёо сказал, что сегодня финансовое положение в мире остаётся нестабильным. И выразил надежду, что вы (поэты) с пониманием отнесётесь к экономическим трудностям, с которыми столкнулась Монголия. Он предупредил, что условия пребывания могут оказаться немного ниже ваших ожиданий. Какими были ваши ожидания? Как оцениваете уровень организации столь грандиозного мероприятия?

– У меня никогда не было и нет завышенных ожиданий от любых мероприятий, тем более литературных, тем более проводимых за рубежом. Журналистам практически невозможно угодить. А большинство литераторов (причём везде) либо в прошлом журналисты, либо совмещают и то и другое в своей повседневной жизни.

В советское время только единицам – как правило, ответственным секретарям писательских организаций – удавалось добывать хлеб насущный исключительно литературным трудом. Именно тогда укоренился термин «секретарская литература», соответствующая слову «серятина». Все акценты в «секретарской» литературе были настолько идеологически выверенными, что для человеческой души там просто не было места.

Так что с точки зрения организационной всё было хорошо, и в этом отношении Академия поэзии Монголии, под эгидой которой прошел 37-й Всемирный съезд поэтов в Улан-Баторе, и её глава поэт Г. Мэнд-Ооёо заслуживают всяческих похвал. То есть ожидания лично мои были удовлетворены полностью и даже с избытком.

Лошадиные скачки, стрельба из лука, посещение музея живописи и каллиграфии, чтение стихов и горловое пение под небом Гоби, белый городок юрт, в которых мы жили, плюс шампанское и прекрасное красное вино, которые лились рекой, уж не говорю о монгольском весьма качественном пиве. Всё это было открыто каждому, скажем так, в меру его заинтересованности в том или ином мероприятии. А ещё поездки в Шамбалу (место энергетической силы) и в буддийский монастырь, основанный 200 лет назад поэтом Данзанравжаа, которого в народе Монголии называют гобийским святым. Без всякого преувеличения скажу, что благодаря Всемирному слёту поэтов Монголия в эти дни без всяких усилий как бы немного приподнялась на цыпочки и стала видимой самобытной

частью мировой культуры. То есть вклад Академии поэзии Монголии и лично главы академии господина Г. Мэнд-Ооёо просто невозможно переоценить. Всё было самобытно, крупно, достойно. Это об ожидаемом. Теперь о неожиданном лично для меня.

Самолёт прилетел в Улан-Батор по расписанию в шесть утра, а вселение во всех отелях, в том числе и в прекрасном Tuushin, куда поселили участников съезда, с 12:00. И мы решили (Алтангэрэл, фототелекорреспондент Баги и я) посмотреть достопримечательности города. Начали свою прогулку по Улан-Батору с посещения величественного памятника Советскому воину на горе с тысячью, а может, и больше ступенек (я сбился со счёта). Побывали у легендарного танка Т-34, на постаменте которого высечен красноречивый маршрут наших совместных действий: Улан-Батор – Москва – Берлин (1945). Естественно, фотографировались и у этих памятников, и у других.

Что бы там ни было между нашими странами в Средневековье, а в период социализма мы, русские и монголы, в сложнейшие периоды истории шли рука об руку. Кстати, по этому поводу слышал от монголов шутку, мол, в Средневековье они держали ограниченный контингент войск под Москвой, а во времена социализма – мы под Улан-Батором. Ничья. Даже с этой точки зрения, так сказать, есть все условия для нашей дружбы и сотрудничества.

Посещение памятников времён социализма меня настроило на позитивный лад. Во всяком случае, вселилась уверенность, что с обычным, житейским пониманием здесь, на монгольской земле, у меня не будет проблем. И вдруг – на всём съезде поэтов никто не говорит по-русски. В полдень на регистрации участников слёта подсел ко мне европеец не в годах ещё, но уже в возрасте, спрашиваю его – вы говорите по-русски? Он отвечает, прошу

заметить, на чистейшем русском – нет-нет, совершенно не умею, как-то не научился. Ну ладно европеец неясного происхождения не захотел общаться на русском, подхожу к господину Г. Мэнд-Ооёо – и он не говорит. На английском – пожалуйста, а на русском – увы. Скажу откровенно, для меня это было очень неожиданным. В магазинах среди простых людей всегда находился кто-нибудь говорящий по-русски, а тут, на Всемирном слёте поэтов, – никого. Будто в России нет и не было ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Толстого, ни Достоевского, ни Тютчева, ни Чехова, ни Блока, ни Бунина, ни Есенина, ни Маяковского – никого. Прямо какой-то «злой Мамай» прошёл по конгрессу поэтов и истребил всякое присутствие русского духа, причём даже на понюх не оставил. Но в массе народной ещё русский дух жив. Ладно, думаю, имена наших классиков, ставших достоянием мировой литературы, вы как бы не знаете, так хотя бы, господин президент Союза писателей Монголии, ознакомьтесь с азбукой, на которой пишут обычные граждане – и русские, и монголы. У нас и у вас – кириллица, хотя бы из уважения к своей азбуке потрудились бы найти хотя бы на время конгресса какого-нибудь толмача на русский, каких в Монголии, кстати, много. Ко мне во время чтения стихов возле памятника Данзанравжаа в Улан-Баторе подходил интеллигентнейший переводчик с русского – Морген. Я видел, какие прекрасные слова благодарности на книгах, переведённых господином Моргеном, написал наш писатель В.Г. Распутин.

В день отъезда я побывал у поэта Г. Мэнд-Ооёо, в его Академии поэзии Монголии. Мне почему-то неловко говорить – побывал на приёме у главы академии и т.д и т.п. Мы – поэты. И у нас в общении не должно быть административных признаков величия, так я думаю, потому что никто не знает, кого из нас потомки переиздадут, а кого, несмотря на всё его административное

величие, позабудут.

Мы с Мэнд-Ооёо обменялись книгами. Переводчиком был Алтангэрэл. Я пригласил поэта в гости в Москву. Если приедет, а мне бы этого очень хотелось, вместе походим по музеям – в Москве есть на что посмотреть. Если захочет, прочтёт лекцию студентам Литинститута о великих монгольских национальных поэтах. Мы расстались дружески. Глубоко убеждён, что такой конгресс поэтов, который прошёл в Монголии, явился бы большой честью для любой страны.

– С кем из коллег по перу вам удалось пообщаться?

– Я встретился с однокашником по ВЛК (Высшим литературным курсам) Улугбеком Оразбайулы Есдаулетовым. Во время учёбы на ВЛК, он шёл по семинару поэзии, а я – прозы. На учёбе мы пересекались только на общих лекциях, и дружбы в полном значении этого слова у нас не было. Но сейчас это не имело никакого значения. Узнав, что он здесь, сразу подумал – ура, на конгрессе есть твой брат из Казахстана. Улугбек – лауреат Государственной премии Республики Казахстан, заслуженный деятель РК, главный редактор литературного журнала «Жулдыз» («Звезда»), и я очень рад его литературному признанию, потому что хорошо знаю, что Государственные премии ни в России, ни в Казахстане за просто так поэтам не даются. Мы общались урывками, но я многое узнал от него. Например, что в Улан-Баторе очень сильная казахская диаспора, что он имеет ряд важных официальных писем, чтобы пригласить следующий – 38-й Конгресс поэтов в Казахстан, в Алма-Ату. Естественно, мне хотелось, чтобы Казахстан победил, но следующий конгресс пройдёт в Китае в провинции Гуйчжоу (Guizhou) с 10 по 16 октября 2018 года. И пусть Казахстан не победил, но уже то, что он состязался за это право и в состязании принимал самое активное участие Улугбек, мой однокашник по ВЛК,

наполняет моё сердце гордостью.

В какой-то миг я даже представил воображаемый разговор с первым лицом нашего государства наподобие разговора А.С. Пушкина с Александром I. «Вот вы, Виктор Слипечук, написали ироничную поэму «Путешествие в пустое место», так называемую сказку для взрослых, – говорит мне первое лицо нашего государства. – В которой под масками зверей вы весьма остроумно, на ваш взгляд, однако не совсем верно вывели многих политиков... а лев у вас даже на рисунках какой-то сахарный. Поезжайте в Китай, у вас там четыре книги издано на китайском языке, и постарайтесь привезти в нашу страну если не 39-й, то хотя бы 40-й Всемирный съезд поэтов. А мы здесь, в Кремле, посмотрим, каким зверем в соответствии с вашей сказкой вы вернётесь. Там у вас в поэме очень живописный заяц: бросает ботинками в слона, льву грозитя пасть порвать. Очень неловко вам будет вернуться из Китая в образе вашего зайца».

И тут, словно по оклику свыше, пришли на память слова другого Александра Сергеевича, а именно Грибоедова: «Минуй нас пуще всех печалей / И барский гнев, и барская любовь». Да так ярко, что посоветовал Улугбеку не переживать, а вспомнить на этот случай нашу русскую пословицу: «Всё, что ни делается, делается к лучшему». Тем не менее если бы такой разговор с первым лицом у меня состоялся – поехал бы. Такие всемирные слёты поэтов украшают нашу жизнь.

Вообще слёт поэтов – это тот редкий случай, когда вокруг тебя одни коллеги. То есть писатели, или учёные-литературоведы, или редакторы всевозможных изданий. Словом, люди, пишущие и понимающие, что такое литературный труд. И со многими из них на конгрессе я общался. У меня в карманчике костюма обнаружилось 17 визиток, а ещё какие-то визитки могут встретиться среди книг и

всевозможных папок, которые были со мною в поездке. И все эти визитки – наглядное свидетельство моего общения с коллегами, которое происходило во все дни конгресса. А особенно когда мы жили в городке белых юрт в пустыне Гоби.

Конечно, чаще всего бывает, что наличие визиток и даже книг, подписанных автором, в плане общения ни о чём не говорит, но только не в этом случае. И тут самое время немного рассказать о нашей монголо-бурятской русскоязычной группе. Потому что так получилось, что все участники нашей группы, в том числе и вы, Туяна Владимировна, создавали вокруг меня тот особый и неповторимый в любых других условиях микроклимат доброжелательности, который, словно чудесная аура, способствовал и сопутствовал моему общению со всеми. И за это я очень благодарен. Вы сами видели – многие участники конгресса просто тянулись к нам, к нашей юрте. Приносили свои книги и подписывали их, и проявляли искреннее желание с нами пофотографироваться. И видит Бог – никому не было отказано.

Даже в моменты отсутствия переводчицы Лии, аура доброжелательности, микроклимат, созданный вокруг меня с помощью группы, делал своё дело – общение не прерывалось. В монастыре, основанном великим поэтом Монголии Данзанравжаа, во время презентации книги поэта Мэнд-Ооёо на английском языке я долгое время был один. Возле меня сидела на стульчике девушка, поэтесса, прежде чем уйти обедать, Лия разговаривала с ней – их компания, в которой работает эта девушка, приняла участие в субсидировании конгресса. Так вот эта девушка, когда я решил уйти с презентации (всё равно ничего не понимаю), а я сидел там очень и очень долго, догнала меня у выхода и стала показывать книгу Мэнд-Ооёо на английском.

Я не понимал, что она хочет. Подошёл молодой человек, один

из участников съезда, и спросил на русском – какие проблемы? (Всё-таки были люди, владеющие русским.) Я сказал: спросите у этой девушки-поэтессы – она хочет подарить мне книгу Мэнд-Ооёо? В ответ она говорит ему – нет. Тогда спросите – что ей надо? И она сказала, что хочет помочь мне, но не знает как. В ответ молодой человек засмеялся. А она так виновато улыбнулась, что я почти физически почувствовал ласковую осязаемость её улыбки. А теперь скажите мне – разве это не общение?

Или, например, в том же монастыре, переводчица Лия, как и вы, Туяна Владимировна, куда-то ушла с основной группой, а я отстал – рассматривал барельефы святых, круговую панораму их земных реинкарнаций. Неожиданно подошла женщина и, улыбаясь, показала на барельеф старца, а потом – на меня. Какая-то приблизительная похожесть была – не отрицаю, и я невольно вспомнил, как мы с вами, Туяна Владимировна, посетили в Бурятии дацан Пандито Хамбо-ламы Дамба. Тогда я практически не обратил внимания на его слова о посещении в тот день ламы Итигэлова Белым старцем. Я был под впечатлением встречи с самим Хамбо-ламой, который увидев вас, Туяна Владимировна, весь засветился, словно на него упал луч света, и разговаривал с нами как бы шутя, но серьёзно и с радостным душевным удовольствием.

Здесь же, в монастыре Гоби, я был более внимателен, и мне показалось, что эта женщина не случайно напомнила мне о Белом старце. Когда пришла Лия, выяснилось, что эта женщина – литературовед из Бангладеш и у неё есть знакомый хороший переводчик с русского. Она с помощью Лии написала адрес на клочке бумаги и попросила меня прислать какое-нибудь произведение на мой выбор для перевода в Бангладеш. И это тоже было необъяснимым, но вполне укладывающимся в рамки конгресса общением.

И всё же главное общение для меня происходило в нашей группе. Я узнал много нового, что за столь короткий срок никогда бы не узнал ни из одной академической энциклопедии.

Вот мы в музее живописи и каллиграфии. Я стою остолбеневший перед картиной «Битва жеребцов». Подходит переводчица Лия – сгусток солнечной энергии. Черноглазая, быстрая и немного беспощадная. Её мгновенный комментарий: «А что вы хотите?! У монголов на первом месте лошади, а мы, женщины, хорошо, если где-то на третьем».

Или Алтангэрэл (в неофициальной обстановке – Аги). В Монголии принято называть друг друга по первым буквам слов, из которых состоит имя. Отсюда идут имена Лия (переводчица и на несколько дней главный козырь моих широких общений с участниками конгресса). Баги (фототелекорреспондент). Кстати, и вас, Туяна Владимировна, по монгольской традиции звали бы Туя. Но вас так не звали, за рубежом все россияне – русские.

Но вернёмся к Алтангэрэлу. Когда мы были в главной юрте караульного помещения комплекса музеев XIII–XV веков и я надел обмундирование и шлем монгольского воина, Аги сказал: «Виктор Трифионович, в этом обмундировании вы очень похожи на Александра Невского». Скажу откровенно, мне было приятно это как бы мимолётное сравнение, за которым приоткрывалось знание истории наших народов, искавших в трудные времена взаимного и выгодного сотрудничества.

Я уже упоминал, что на презентации книг, изданных в Монголии, из официальных лиц нашего МИДа был советник-посланник Ракшаев Рыгзын Ракшаевич со своей женой Ольгой. От монгольской стороны был господин Л. Пурэвсурэн. И ещё, правда, с большим опозданием пришёл народный поэт Бурятии Баир Дугаров.

В июле этого года он получил от правительства Монголии

орден «Полярной звезды», и в 17:00 у него была какая-то важная встреча. Думаю, что монгольские друзья Баира просто не отпустили. Его приходу был очень рад, потому что такие люди, как Баир Сономович Дугаров, являются реальным украшением вообще человеческого рода. С такими людьми, как он, наше сегодняшнее во многом необжитое евразийское пространство кажется более обжитым. Мне с первого прочтения запомнились его строки: «И предков дух, восставший из могил, / Мне молнии кусочек отломил». Но мы говорили не об этом. Мы говорили о гениальности Фёдора Ивановича Тютчева.

Общений было много, да ведь такие съезды поэтов для того и проводятся, чтобы поэты могли пообщаться. И с моей стороны было бы большим грехом этим не воспользоваться. Впрочем, глядя на стопочку визиток поэтов из разных стран, могу с полной уверенностью сказать, что я не согрешил.

– Вам удалось пожить в настоящей монгольской юрте. Какие ощущения?

– Наши ощущения не складываются, скажем так, из одних чистых ощущений. Обязательно к ним примешиваются какие-то посторонние впечатления.

Перед поездкой в Монголию я написал пьесу. И в этой пьесе есть эпизод о дизайнере, который увлекается искусством супердревней наскальной живописи. То есть времён палеолита, отстоящего от нас на тысячи и тысячи лет. Естественно, через Интернет посмотрел рисунки многих музеев. Запомнилось, что довольно часто встречалось на палеолитических петроглифах изображение креста в круге. Этакое колесо. То оно над головами первобытных людей, сидящих в лодке. То над охотниками, стреляющими из луков. То это колесо несут в руках, то оно просто в стороне от общего изображения. Для пьесы не требовалось

разъяснений, и я особо не задумывался – что это, что за символ? Мелькнула мысль – напоминает крест друидов. И точка.

И вот после шести часов езды в машине приезжаем мы в белый праздничный городок юрт. Баги, откомандированный нами заранее, встречает нас и показывает юрту, выделенную нам для проживания. А я уже знал – где-то проскочила информация, что знаменитый артист Леонардо Ди Каприо, получивший «Оскара» за главную роль в кинофильме «Выживший», решил провести отпуск в Монголии и заплатил 95 тысяч долларов только за то, чтобы пожить 10 дней в юрте. Правда, не в пустыне Гоби, а на берегу озера Хубсугул. И всё же такая вот информация придала моему восприятию нашего поселения из юрт какое-то преимущественное положение. «Вот ты там, Леонардо, жил или будешь жить в юрте за десять тысяч долларов в сутки, а мы здесь, в этом белом городке юрт, будем жить практически задаром. И всё это только потому, что мы – поэты».

Юрта по-монгольски – «гэр», то есть «дом». И несколько дней она действительно была нашим домом. И не просто домом, а самым настоящим космическим жилищем. Потому что, как только вошёл в юрту и сел на свою кровать с почти незаметным ортопедическим матрасом из тонкого войлока, а потом, освободившись от кроссовок, лёг и, закрыв глаза, вытянул ноги, – я испытал истинное блаженство.

Уж не буду описывать юрту. Во всём мире их ставят дверью на юг – левая сторона всегда мужская, а правая – женская. Всё это весьма в доступной форме можно прочесть в Интернете. Скажу лишь о том, что, открыв глаза, я увидел в самом верху юрты уже виденное мною на скальное изображение времён палеолита, так называемое колесо с крестом внутри. Конечно, это и дымоход для очага, сработанный своеобразным окном-иллюминатором. Это и врата для первых лучей солнца, и звёздные врата. В обиходе данное наверхие

называется «шанрак», которое, как я понял по петроглифам палеолита, издревле служило символом семейного очага кочевников.

Мне понравилось наше жилище. Благодаря ему осталось ощущение уюта и комфорта. Комфорта посреди пустыни Гоби. Впрочем, жилище понравилось не только мне. С нашим приездом у нас в юрте поселилась очень крупная ежиха с двумя ежатами – днём они спали на нашей обуви.

– Вы слышали вживую знаменитое горловое пение. Как думаете, верна ли версия о том, что образ Соловья-разбойника в русских былинах появился после того, как монгольские воины пугали противников горловым пением? Не зря же отчество у Соловья-разбойника что ни на есть восточное – Одихмантьев сын. Действительно ли от исполнения горлового пения вспоминаются строки былины:

*А то свищет Соловей да по-соловьему,
 Ён кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
 И от его то ли от посвиста соловьего,
 И от его ли то от покрика звериного
 Те все травушки-муравы уплетаются,
 Все лазоревы цветочки осыпаются,
 Темны лесушки к земле все приклоняются, –
 А что есть людей – то все мертвы лежат.*

– Не думаю, что мой ответ на ваш вопрос так уж важен. Горловое пение мне доводилось слышать много раньше Монголии – в Горном Алтае. У кого-то, возможно, горловое пение вызывает схожие с вашими ассоциации, а у кого-то – нет. И в том и другом случае это сугубо частное мнение. То есть таких далеко идущих представлений, что сидит на дубу монгольский воин и пугает горловым пением всех окрестных жителей, идущих в Киев, у меня лично не возникло. Там, в этой былине, совершенно сказочной, у Соловья-разбойника три дочери в каком-то гнезде сидят и высматривают, кто и кого везёт прикованным к седлу. То ли отец Соловей-разбойник везёт мужика (деревенщину), то ли Илья

Муромец (деревенщина) везёт Соловья-разбойника? Невольно напрашивается мысль: если это монгольский воин, да ещё с дочерьми, – наверняка дезертир. Почитайте чингис-хановскую ясу (кодекс законов) – там за такие проступки полагалась смерть. Армия у Чингис-Хана была регулярной и очень-очень дисциплинированной. В такой армии (уж поверьте мне) в свободное от службы время монгольский воин никак не мог сидеть на дубу и промышлять горловым пением в качестве Соловья-разбойника.

И ещё, в определённые периоды истории сказители и у нас, и во множестве других стран стали привносить в легенды былинность, чтобы сильнее воздействовать на умы. Это и сейчас происходит, мы привлекаем народный эпос в сегодняшний день. А когда он создавался? Временные рамки невозможно определить. Народный эпос создаётся и приспособляется к живой жизни всегда, потому что во все времена и всем народам нужен был герой, богатырь, народный заступник, слово которого если и не уравнивалось с царским, то, подобно царскому, слышимо было в народе. У меня вызывает великое почтение легенда о Гэсэре, с которой познакомился опять же на Алтае. Мы с Валерой Чаптыновым в своё время искали стоянку Рериха в Усть-Коксе. А Рерих, как вы, Туяна Владимировна, знаете, весьма колоритно изобразил Гэсэра на одном из своих полотен. Изобразил в красном сиянии. Почему в красном, подумайте сами. Сопоставьте годы и так далее. Во всяком случае, я заинтересовался героем. Так вот в этой легенде о Гэсэре хотя и сообщается, *когда это было*, но установить время невозможно. Да и сам сказитель не этого ждёт от нас, своих слушателей. Мне Алтангэрэл подарил очень запашистые сандаловые палочки, я воспользуюсь ими. «Это было, когда сандал / Благовоньем не обладал...» Или в той же *первой ветви* легенды о Гэсэре – *когда это было*. «Это было до наших лет, / Сказ не сделался делом живым, / И

от серого чёрный цвет / Был в ту пору неотличим».

Ваш вопрос мне более интересен тем, что косвенно он затрагивает дилемму: что предпочтительнее – художническая догадка или неопровержимые научные факты? Лично для меня в приоритете художническая догадка. Научных фактов всегда недостаточно. Потому что ведущим в жизни всех людей и даже в жизни одного человека мне представляется (назову это так) *грандиозность замысла*. Например, продолжение человеческого рода, всемирное единение людей, дружба, сотрудничество, познание космоса и самого себя как космической единицы, созданной Богом... и многое-многое другое, что сразу не перечислишь. *Грандиозность замысла* всегда служит ориентиром и для художнической догадки, и для научного факта. В моём представлении *грандиозность замысла* – это как царь в голове, он всё освещает, всему придаёт смысл и по жизни предполагает от вас какое-то определённое реальное действие. А если человек без царя в голове. То зачем догадки и научные факты?! Чтобы разъединять людей? Вносить смуту и бестолковость? Которых во все времена хватало, да и сейчас хватает – и в жизни, и в обилии исторических фактов.

– В рамках фестиваля вы посетили знаменитый Восточно-Гобийский энергетический центр. Монастырь Хамарын хийд, известный как монгольская Шамбала. Пишут, что в окрестностях этого монастыря под землёй залегают жилы, наполненные соками жизни, эти места считаются энергетическими. Что вы ощущали в этом месте?

– Сам по себе монастырь очень величественен. Расположенный на холме, он словно купается в золоте. А потом эта широкая река ступенек, сбегаящая со стороны главного портала. И повсюду скульптуры буддийских святых. Всё это весьма впечатляет и настраивает (говорю о себе) на некую встречу с чудом. (Восточно-

Гобийский энергетический центр расположен неподалёку от храма за холмами.) Я так понял, что сам центр – своеобразная площадка величиной в половину футбольного поля, усыпанная гравием тёмно-бордового цвета. Мы, поэты, участники Всемирного конгресса, лежали на ней и молились каждый своему Богу, потому что, как сказал сопровождавший нас лама, чудодейственная энергетика этого места лучше усваивается, когда тело и душа в полной гармонии с твоим исконным религиозным чувством.

Я не знаю, почему это место называют монгольской Шамбалой. Может быть, где-то там под землёй действительно, как вы говорите, проходят жилы, наполненные соками жизни. И всё-таки имя Шамбала показалось мне присвоенным этому месту не по сакральной сути, обозначенной в этом слове, а более всего для привлечения туристов. Дело в том, что я читал о Шамбале, и не только Рериха и Александру Давид-Неэль «Зачарованные тайной», но и прелюбопытнейшую книгу «Третий глаз», автор которой исполнял конкретные поручения Далай-ламы XIII, предшественника нынешнего Далай-ламы XIV. В книге «Третий глаз» он описывает посещения некоторых таинственных мест, которые требуют от человека не только специальных многомесячных молитв, но и вполне определённых телесных воздержаний, без которых просто невозможно свидание с высшими силами. Эта подготовка во многом похожа на подготовку космонавта в дальний космос, из которого он может и не вернуться. Именно в таком понимании лама, автор книги «Третий глаз», готовился к посещению Шамбалы. Я помню из его рассказа – чтобы достичь Шамбалы они шли в гору. Шли несколько суток. Менялись проводники и ламы, помогавшие ему молитвами, точнее, еле теплящейся в теле его душе. И вот в последний день... Было очень вьюжно. Холод, ветер и снег. Сопровождающий его лама остановился, и он понял, что никаких сопровождающих больше не

будет, и он пошёл в гору один. Он понимал, что назад пути нет и его может спасти только Шамбала. Он шёл и шёл – и опасался упасть. Потому что знал, что в этом холоде, пробирающем тело до внутренностей, в этой вьюге, залепливающей глаза, если он упадёт, то уже не поднимется. И в какой-то момент он всё-таки остушился и упал. Самым мучительным было открыть глаза. Он открыл и увидел вокруг белую снежную пелену. Потому что мозг его ещё был там, на пути в Шамбалу. Но в тело уже вливалось спасительное тепло. Может быть, энергетическая сила, залегающих под землёй жил. Этого я не знаю. Тепло вливалось отовсюду, и вдруг из белого марева вышел очень красивый оленёнок с умными и чистыми глазами, как у младенца. Представитель Далай-ламы радостно засмеялся, потому что оленёнок сообщил ему всё, что он хотел знать. Он достиг Шамбалы, он лежит на зелёной траве, он спасён. Но засмеялся он не поэтому, а потому что ему открылось, что всё живое может общаться без слов и друг друга читать как раскрытую книгу. Более он ничего не описывает. Он вернулся и был отпущен Далай-ламой XIII для продолжения своей обычной человеческой жизни.

Конечно, после Рериха, после Давид-Неэль и мемуаров вестника Далай-ламы XIII у меня сложилось устойчивое представление, что в Шамбалу так запросто никому не попасть. Пространство Шамбалы, говоря языком Рериха, запсихологировано настолько, что мы, если духовно не готовы, всегда будем проходить мимо неё, а может быть, и сквозь неё и ничего не заметим.

Понимаю, что вы вправе спросить – так что же вы со всеми вместе ложились на гравий, почти час лежали на палящем солнце, читали молитвы своему Богу, крестились, хотя представление о Шамбале у вас абсолютно другое?

В данном случае мне было в радость всё делать, как все. Как все поэты из сорока стран мира. Кроме того, я неплохо знаю поэзию

Сергея Александровича Есенина. В стихотворении «Возвращение на Родину» есть эпизод, когда Есенин встречается со своим дедом и дед жалуется своему внуку. «На церкви комиссар снял крест. / Теперь и Богу негде помолиться. / Уж я хожу украдкой нынче в лес, / Молюсь осинам... Может, пригодится...»

На сегодня я уже семь раз дед, и это не считая внучатых племянниц и племянников, которых тоже вполне достаточно, чтобы подумать о бренности земной жизни и о предстоящих неведомых далях. Дед Сергея Александровича Есенина, как ни крути, прав – кто знает... «может, пригодится».

– Монастырь Хамарын хийд основан в 1820 году поэтом, известным монгольским просветителем Данзанравжаа, святым из Гоби. Какие чувства вы испытывали в таком месте?

– На этот вопрос я ответил в предыдущих вопросах. Земной путь великого монгольского поэта Данзанравжаа восхищает. И не только меня. Мне представляется, что в Монголии, да и в Бурятии, есть великие подобные люди цели. Цели качественно улучшить жизнь народа, из которого они вышли и представителями которых являются. Лично меня это обнадеживает.

– На закрытии фестиваля многие поэты говорили о том, что уже скучают и мечтают вернуться в Монголию. А каковы ваши планы?

Часто после творческих командировок и поездок у поэтов рождаются циклы стихов. Например, у Есенина персидский цикл. Ждать ли вашим читателям монгольского цикла?

– Два ваших вопроса объединил. Они не то чтобы повторяют друг друга, но близки. А главное – когда вместе, подсказывают мне, о чём говорить.

Видите, какие люди поэты?! Не все, но в большинстве. Он ещё здесь, в Монголии, а уже мечтает вернуться. Невозможно

представить политика любой страны, чтобы он вот так заявил – я, конечно, ещё здесь, но уже мечтаю к вам, так сказать, *на лапагосы* вернуться. Такое могут позволить себе только поэты. И тут дело не в безответственности за произнесённое слово, а в самой сути характера поэта.

Вы, наверное, наблюдали, Туяна Владимировна, и не раз, сами пишете стихи, что двенадцатилетний поэт или поэтесса в своём стихотворении иногда вдруг проявляют такое знание жизни, которое впору семидесятилетнему. В прозе ничего подобного вы не встретите. Проза двенадцатилетнего будет прозой двенадцатилетнего. Во всяком случае, по прозе вы почти точно угадаете, сколько автору лет. А в стихах происходит чудо. Почему? Поэтическое творчество питают чувства и характер. По Шопенгауэру – характер наш складывается до пяти лет. В общем, рано складывается. К тому же чувства в детстве и юности всегда очень яркие и незабываемые. А знания жизни, необходимые для прозы, накапливаются только с годами. Великий итальянский поэт Данте, понимая, кто такие поэты, поместил их ни в ад и ни в рай, а в город Лимб, между адом и раем. Позволил поэтам на том свете остаться со своими мыслями и чувствами наедине. Он знал, что поэт пребывает в своих чувствах всегда, и в зависимости от них будет находиться либо в аду, либо в раю. Профессия везде накладывает свой отпечаток.

Поэт есть поэт. И он говорит как поэт. И его слушать надо как поэта. Всегда помнить об этом особенно попросил бы наших прокуроров и судей, которые причёсывают всех подряд одной гребёнкой. Мол, закон для всех один. Дескать, законы не позволяют им учитывать, кто перед ними – обычный, скажем так, рядовой человек или какой-то особенный, творческий. Так ли? Есть сомнение. А если всё-таки так – значит, законы у нас деревянные,

как дышло. Ведь в жизни в самой простой беседе любой из нас обязательно учитывает, кто с ним разговаривает.

Вот мне сказали, что в монгольском языке нет слов «честь» и «совесть». Но честь и совесть, по крайней мере мне, встречалась там на каждом шагу. Не хочу делать далеко идущих выводов, но сегодня в телевизионных передачах, благодаря силовым структурам, только и разговоров, что об отсутствии чести и совести в нашей культуре. Невольно закрадывается мысль: может, надо уменьшить количество отрицательных разговоров и хотя бы таким *монгольским способом* прибавить в обществе необходимое наличие чести и совести.

К моему сожалению, ждать от меня монгольского цикла не надо. Поднимите глаза, мне из Сергея Есенина вспомнилось не «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», а его дед вспомнился. Наверное, вы подшучиваете надо мной?! Ну да ладно.

Все мои мысли сейчас о пьесе «ГУБЕРНАТОР», которую написал перед поездкой в Монголию. Я никогда не писал пьес. А тут она как бы соскочила с кончика пера. Пьеса получилась смешная. А я как раз очень сильно грустил. Так что когда написал её (а написал по моим меркам очень быстро, за июль), первое, что пришло в голову, – это Господь Бог мне её подарил. Увидел мою грусть и сжалился. Весь июль я пребывал в весёлом настроении. Ещё и Монголию мне подарил. Теперь как-то надо опубликовать пьесу. Разослать хотя бы по московским театрам и ждать, так сказать, с моря погоды. Об этом мои главные мысли, а туда, вдаль я уже не заглядываю – и в прямом, и в переносном смысле чересчур близорук.

– В молодости вы написали поэму «Чингис-Хан», сейчас побывали в местах, где он жил, воевал, создавал свою великую империю. Вы изменили своё представление о Чингис-Хане и монголах?

– Нет, не изменил. И такой необходимости не будет никогда. Потому что я писал о Чингис-Хане как о человеке. Я уже говорил, что мой основной творческий посыл – Человек в человеке. В прошлом году на моём творческом вечере в Доме литераторов выступал сербский поэт и переводчик Зоран Костич. Очень известный в Сербии да и у нас. Он подарил мне прекрасную книгу «Александр Сергеевич Пушкин» на сербском и на русском (сербская часть в его переводе). Кроме того, он профессор университета, то есть он следит за европейской литературой. И он сказал, выступая на моём творческом вечере, что во всей западной литературе никто не удосужился посмотреть на Чингис-Хана как на человека. И это в странах, которые не были под его пятой, а я в своей поэме посмотрел. И оказалось, что прошли века – и простой монгольский народ видит в нём прежде всего человека, а не кровавого поработителя всех времён и народов. И поют песни о нём как о монголе-герое, создавшем в Азии великую империю, перед которой, увы, меркнут все известные империи Европы. Не устаю повторять, что художническая догадка у меня на первом месте. И так получилось, что через сорок восемь лет с момента написания поэмы мой подход сработал. Повезло.

– Почему-то у двух больших держав-соседей Монголии диаметрально противоположное отношение к Чингис-Хану. В Китае считают, что он часть китайской истории, основатель одной из императорских династий. И это надо уважать и ценить. В России как закрепился термин «монголо-татарское иго», так и продолжают культивировать негативное отношение к Чингис-Хану и его наследию. Это при том, что РФ – это многонациональное государство, куда входят и монгольские народы. Как вы думаете, насколько приемлемо насаждать россиянам образ жестокого и глупого азиата, начиная от

Соловья-разбойника и заканчивая такими оскорбительными для азиатов кинофильмами, как «Орда»?

– Сложный вопрос. Если бы я вас не знал и не побывал в Бурятии в равнинских местах, местах вашей малой родины, то, вполне возможно, решил бы, что вы не любите Россию, и не согласился бы на данное интервью. Но я знаю вас и знаю, что когда вы надеваете национальную бурятскую одежду, вы мгновенно превращаетесь в красавицу и просто неотразимы. Это не лесть, поверьте, как поэту. Помните, у Александра Блока в стихотворении «Поэты» есть строки «...И золотом каждой прохожей косы / Пленялись со знанием дела». Я вспомнил эти строки, потому что в «Фейсбуке» на фото вы всегда стоите спиной, и прежде всего ваша прекрасная чёрная как смоль распущенная коса бросается в глаза. Кроме того, зная вас и зная, что именно пламенная любовь к своей стране, а она у нас общая – Россия, зачастую рождает тяжёлые вопросы, именно поэтому возьмусь ответить на ваш глобальный вопрос, конечно, в меру своего понимания. И прошу вас эти слова *в меру своего понимания* подчеркнуть.

Думаю, про Соловья-разбойника, как мог, ответил. Теперь об отношении, почему в Китае к Чингис-Хану относятся так, а у нас – сяк. Во-первых, я думаю, что современный Китай не так однороден, как мы, живя в России, это представляем. И если сегодняшний Китай где-то и чтит Чингис-Хана, то, как мне подсказывает художественная догадка, только потому, что вся история Китая – это постоянные междоусобные войны, из которых сегодняшний Китай сделал конкретный вывод – у кормила власти всегда тот, у кого хорошая армия. Затронув династию, оставившую след в истории Китая, вы, конечно, имели в виду родственную бурятам династию Юань (в переводе – «первоначальное творение мира»). Даже сейчас звучит обнадеживающе. А изгнаны были монголы в результате

крестьянской революции под красным знаменем Будды. Мне всюду всегда говорят – красный хадак (ритуальный шарф) в буддизме обозначает огонь, но никто не говорит, что цвет пришествия будущего Будды – красный. Мне, например, догадка подсказывает, что великий Мао пошёл за Сталиным, а народ Китая – за великим Мао прежде всего как за Красным Буддой. Мировая революция и всё такое – это не пустые слова, во всяком случае для меня. Я противник всяческих революций, потому что в результате революций основные страдания достаются народу. А я, как писатель, вышел из народа и мой грандиозный замысел – снова уйти в народ своими книгами, как лучшей своей частью. Потому что на уровне догадки считаю, что мы, люди, здесь, на Земле, в гостях, а наша подлинная Родина – Космос.

Сегодня мне представляются главными не разговоры и споры – было ли татаро-монгольское иго? Сегодня главное для страны – создание хорошей армии и наша всенародная человеческая сплочённость. В советское время мы попытались сплотиться вокруг идеи безбожия. У тебя, русский, нет Бога, у тебя, бурят, у тебя, чеченец и ингуш, и так далее по всем нациям и народностям... Ни у кого ничего нет – сравнялись, мы братья, мы будем новыми советскими людьми. В годину испытаний как-то сам собой исчез новый советский человек, взамен ему пришёл не имеющий национальности «новый русский». Не сработала идея. Мне представляется, сейчас самое время спланиваться на основе понимания, через какие жертвы и страдания пришлось нам всем пройти, чтобы сохранить свою исконную, дедами завещанную культуру, основная часть которой у каждого народа – религия. Спланиваться в братство не на почве безбожия, а на основе понимания, как трудно далась каждому из народов его культура – русская, бурятская, чеченская, ингушская и так далее по всем

нациям и народностям России.

И ещё одна мысль, не дающая покоя. Мы научились сплачиваться на основе лишений и страданий. И наша властная элита уже эксплуатирует этот наш народный посыл или менталитет. Всё чаще слышится знакомый лозунг, правда по другому поводу, – мол, чем хуже, тем лучше. Кому лучше-то? Чтобы не давать соблазна купающейся в богатстве элите (а соблазн греховен, откуда бы он ни исходил), мы должны научиться жить сплочённо при всеобщем народном благоденствии. Чингис-Хан, будучи гениальным человеком, не побеспокоился о воспроизведении собственного народа. А наследие остаётся и живет прежде всего в твоём народе.

Сегодня в Монголии на такой огромнейшей территории насчитывается всего три миллиона триста тысяч человек. И когда я слышу от наших правителей, что для экономии средств надо отменить материнский капитал, невольно возникает вопрос. А вся эта экономия для чего? Вы хотите отменить самих себя? Или после вас хоть потоп?! Самый первый и самый грандиозный Божий замысел в моём представлении – воспроизведение каждым народом самого себя. Наша планета Земля очень маленькая, она – всего лишь колыбель, а в необъятном Космосе потребуются все Народы. Так я думаю.

Москва, 08.09.2017